

С. Есенин

СПЕЦИАЛЬНЫЙ (ВОСЬМОЙ) ВЫПУСК ЦЕНТРАЛЬНОГО ПЕЧАТНОГО ОРГАНА МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН ГАЗЕТЫ «ВАТАНПАРВАР» И СОВЕТА МУЗЕЯ С. ЕСЕНИНА В ТАШКЕНТЕ

● Декабрь, 1993 г.

№ 178 (311)

Цена договорная

● ТОЧКА ЗРЕНИЯ

«Я ПРИШЕЛ, КАК СУРОВЫЙ МАСТЕР...»

АНАЛИЗИРУЯ противоречивое время прошедших десятилетий, только сейчас начинаешь понимать всю значимость фактического материала из тайников творческой лаборатории великого русского поэта. К такому относится авторские правки С. Есенина поэмы «Кобылы корабли» (см. «Мир Есенина», второй выпуск, 1992 год), которые, к сожалению, длительные годы были вне поля зрения есениноведов. Нам же кажется, что именно с этих авторских правок в творческой биографии С. Есенина наступает переоценка социально-политических событий в стране. Это выразилось в цикле имажинистских стихотворений и поэмы поэта, идейная позиция автора в которых требует расшифровки, чтобы понять ее подлинный смысл. В сущности, следует признать, что весь имажинистский творческий потенциал С. Есенина эпохи «Кобылы кораблей» содержится в нарицательном смысле созданной им образной метафоры — погибающей России. Об этом поэт раздумывает в вагоне поезда «Кисловодск — Баку», где 12 августа 1920 года он писал своей харьковской знакомой Е. Лившиц: «Мне очень грустно сейчас, что история переживает эпоху умерщвления. Жизнь как живого, ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал, а определенный и нарочитый... Тесно в нем живому, тесно строящему мост в мир невидимый, ибо рубят и взрывают эти мосты из-под ног грядущих поколений». Долгие годы есенинский имажинизм расценивался с позиций предвзятых социалистических догм. В современной же историко-литературной концепции эта тема представляется более значимой и актуальной. В общих чертах постараемся раскрыть суть проблемы.

В сентябре 1918 года С. Есенин написал большую научно-теоретическую статью «Ключи Марин», в которой философски рассматривает природу поэтического образа, этическую сторону творческого процесса с позиций вселенских, космических масштабов. Отсюда и берет начало имажинизм С. Есенина, который резко отличается от имажинизма его «собратьев» по перу. Находясь в мае 1921 года в Ташкенте, в письме Иванову-Разумнику, ссылаясь на поэму «Кобылы корабли» и отчасти на «Октоих», С. Есенин

писал: «Дело не в имажинизме... Дело в моем осознании, преобразении мира посредством этих образов». Многие из философских пророчеств С. Есенина для его современников оставались загадками, что приводило к разноречивым выводам исследователей о глобальности его мировоззрения, его неизученности, например, «Есенин — одно из самых неразгаданных явлений в русской и мировой литературе... Понятием «тайны» наполнена вся лирика Есенина...» (Ал. Михайлов).

В НАСТОЯЩЕЕ время есть возможность углубиться в неординарность гениальной личности поэта, оказавшегося на переднем крае двух исторических эпох. Сейчас необходимо пересмотреть многие принципиальные утверждения критиков есенинского имажинизма.

Приобщение С. Есенина к «формальной школе» имажинистов, как писал поэт в автобиографии 1922 года, состоялось в 1919 году. В этот суровый, голодный год им была написана поэма «Кобылы корабли», впервые опубликованная в сборнике «Харчевня зорь» в апреле 1920 года в Харькове. Это была поэма, которую многие критики считали чрезмерно противоречивой, проповедующей самые «упаднические» настроения Есенина, который якобы «не видит всей полноты современной ему жизни, а улавливает одни лишь негативные стороны». Его творческий путь на этом срезе времени сравнивался с поэтической глухотой, когда поэт «перестал слышать время, более того, оказался в отколе не только от большой родины, но и от малой, не только от революции, но и от мужика». Обвинения были серьезными.

В идейной эволюции С. Есенина октябрьский переворот сыграл, как известно, решающую роль. Революционно-романтические произведения поэта 1917—1918 годов («Иорданская голубица», «Небесный барабанщик», «Пантократор», «Худлиган» и др.) через библейско-мифологическую символику отражают поистине вселенскую революционную приподнятость в стране. Но уже в поэме «Июния» (1918 г.) С. Есенин постепенно отказывается от космической патетики и сознательно опускается на землю, освобождаясь от романтического выла. После публикации «Июния» за поэтом закрепляется не только прозвище «богохульник»,

но и утвердилась кличка «худлиган».

ВРЕМЯ 1919 года в России насыщено драматическими событиями: страшный голод, повальные болезни, эпидемии, братоубийство в гражданской войне. Недовольство народных масс пока гасло, их непреодолимой верой в светлое будущее, обещанное большевиками. Крестьянин по происхождению, левый эсер по убеждениям, С. Есенин также искренне верил в мощную тягу народов России к светлому социализму. Как и многие его литературные соратники, С. Есенин не мог в это время представить иной роли Октября, не подозревая, что и в самой правящей партии произойдет невероятный разброд, подталкивающий к необоснованным репрессиям и борьбе с инкоммунизмом.

Крестьянский сын, С. Есенин оставался человеком очень гуманным и ранимым, что и привело его в то трудное время к своему имажинизму, чего нельзя сказать в полной мере о других участниках имажинист-

ского творческого содружества. С. Есенин подписывает «Декларацию имажинистов», считая в целом это литературное течение новаторским. Его творчество уже было насыщено образностью, не вычурной, а подлинной. В своих воспоминаниях А. Мариенгоф не только пояснил суть термина «имажинизм», восхитившего к французскому слову «имаж», то есть «образ», но и отметил, что именно образность поэзии С. Есенина позволила сторонникам имажинизма «решительно в своих сердцах возвести его на трон поэзии: «Еще бы! И облака то у него «ляляли», и над рощей оценилась луна «златым щенком»... Какие «имажки»! Ах, какие «имажки»!

Но С. Есенин очень скоро развенчал заумные формальные истины своих «литературных собратьев-имажинистов», в которых поиски необычной образности нередко проявлялись в виде словесного «шутовского кривляния» ради самого кривляния.

Увлечение имажинизмом

не уведило С. Есенина от совершаемых в стране политических событий. Он сохранял исключительную индивидуальность творческого мышления. С высоты сегодняшнего времени по-иному видятся иллюзии того поколения революционеров, которые после революции приступили к строительству социализма и к формированию пролетарской культуры. Не нужно быть жестокими при оценке истории нашей страны, но и нельзя забывать правду о том, какой ценой приходилось платить многим, в том числе и Есенину, за веру в ложные идеалы, за несбыточную мечту. Большевики при решении задач буржуазно-демократической революции отказались от программы левых эсеров, взгляды которых были близки Есенину. Интуитивно, придерживаясь крайне левых убеждений, поэт ищет свой путь в революции, хотя в автобиографии подчеркивал, что «работал с эсерами не как партийный, а как поэт». С. Есенин сознательно тянулся к программе трезвомыслящих левых эсеров. Но вся беда в том, что непреклонная мощь революционных катаклизмов ставила перед ним и вопросы бытового, социального характера, решить которые не всегда удавалось безболезненно.

В 1919 году С. Есенин подает заявление о приеме его «в действительные члены литературно-художественного клуба Советской секции писателей, художников и поэтов». Он рекомендует себя «истинным коммунистом, примыкающим к революционному движению, представленному РКП и активно проявляя это... в поэмах и статьях». Но сильное желание поэта быть полезным в строительстве будущего общества в эти же годы наткнулось на убогие непонимание его стремлений со стороны власти, имущих. И это вызвало протест поэта.

В СЕРЕДИНЕ 1919 года С. Есенин интуитивно начинает догадываться о причинах неудач в политической, экономической жизни России. В его произведении «Кобылы корабли», «Сорокоуст», «Неповедь худлигана», «Мир таинственный, мир мой древний...» и др. идейная позиция автора стала не в открытой, а инсинуаторской форме противопоставляться официально-общественной. Сюжетные композиции в этих произведениях построены с глубоким подтекстом, который сравним разве с изощренной формой эзоповского языка.

(Окончание на 2-й стр.)

● ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Я ПРИШЕЛ, КАК СУРОВЫЙ МАСТЕР...

(Окончание.)

Начало на 1-й стр.)

С. Есенин добивается, чтобы смысл его произведений был понятен только при своеобразном раскодировании, что требовало дополнительно от читателя напряжения. Думается, что подобную реакцию читателя поэт не исключал, подчеркивая свое поэтическое кредо: «все остальное в моих стихах».

Обратим внимание на письмо С. Есенина Иванову-Разумнику от 4 декабря 1920 года: «Я уже собирался и 25 октября выехать, и вдруг пришлось вместо Петербурга отлучиться в тюрьму ВЧК. Это меня как-то огорчило, оскорбило... Я очень много раз порывался писать Вам, но наше безалаберное российское житие, похожее на восточный двор, как-то раз выливало перо из рук. Я удивляюсь, как еще я мог написать столько стихов и поэм за это время. Конечно, крестостроение внутреннее было велико. Я благодарен всему, что вытянуло нутро, положило в формы и дало ему язык (выделение наше. — В. Н.). Но я потерял зато все то, что радовало меня раньше от моего здоровья. Я стал гнилее...» В этом письме, не называя вещи своими именами, на языке понятном только им обоим, С. Есенин говорит о значительном для него «внутреннем» прозрении, смысл которого он и пытается передать образным языком имажинизма. Он через свой «язык» по-иному пытается взглянуть на мир и обрести самого себя. Но какой дорогой ценой это ему дается!

В эти годы имажинистская поэзия С. Есенина принесла ему «дурную славу... похаб-

ника и скандалиста». Поэт порой бывает беспощаден и жесток по отношению к себе в выборе имен нарицательных.

Исповедальность есенинской поэзии поразительна:

О, привет тебе,
зверь мой любимый!
Ты не даром даешься
ному.
Как и ты — я,
отовсюду гонимый,
Средь железных врагов
прохожу.
Как и ты — я всегда
наготове,
И хоть слышу
победный рожок,
Не отпробует
вражеской крови
Мой последний,
смертельный прыжок.
(«Мир таинственный,
мир мой древний»).

Раскрывая первоначальную подобную идейных настроений Есенина, критики в основном усматривали здесь пагубное влияние имажинистов, утверждая легковесные толки о том, что они пытались использовать талант поэта в своих корыстных целях. Вряд ли Есенин был таким наивным, чтобы мог позволить накинуть на себя имажинистский хомут. Он знал себе цену!

НЕ все отчетливо понимал поэт в сложной общественно-политической жизни России. Не было четкой платформы и среди литературных школ и направлений той поры. Поэт противился любому насилью над собой. В этом сложном противоречивом политическом, литературном мире, в который втискивался и его неустойчивый быт, С. Есенину предстояло выбрать свой путь. Его поведение в ряде случа-

ев окружающими воспринималось как хулиганство, но стихотворения восторженно принимались слушающей аудиторией, которая также была в душевном смятении. С. Есенин своим индивидуальным решением проблемы был близок по настроению «толпе», которая окружала поэта, льстила его чрезмерному самолюбию, предлагая вечную дружбу. «В есенинском хулиганстве — пишет А. Мариенгоф в «Романе без вранья», — прежде всего повинна критика, а затем читатель и толпа... его почитателей. Критика недоумила Есенина создать свою хулиганскую биографию, пронести себя хулиганом в поэзии и в жизни... Есенин взял в один веник поэтические свои прутья и прутья быта. Он говорил: «Такая метла здоровше». И расчищал ею путь к славе. Я не знаю, что чаще Есенин претворял: жизнь в стихи или стихи в жизнь. Маска для него становилась лицом и лицо маской».

А. Мариенгоф здесь прав в одном: в невольной копировании поэта. Трудно согласиться с другим. Друг Есенина не пытался сделать дополнительного усилия, чтобы проникнуть вовнутрь внешней есенинской оболочки хулиганства.

С. Есенин «варился» в общем котле политики, но всегда сохранял свои творческие позиции. В «Исповеди хулигана» (1920 г.) всем памятна строка: «Я люблю родину. Я очень люблю родину!» В этих строках обретает силу одна из «тайн» Есенина — тайна его исповеди, в которой поэт «кровью чувств» изливает радость надежды за пробуждающееся

отечество, но тут же таится и нескрываемая боль от происходящих в стране негативных событий:

Синий свет,
свет такой синий!
В эту синь даже
умереть не жаль.
Ну так что ж,
что кажусь я циником,
Прицепившим к заднице
фонарь!

Смысловой оттенок эпитета в строке «свет такой синий» по канонам цветовой символики веру поэта в подлинные идеалы Октября, за которые «даже умереть не жаль». Но это состояние вдруг резко сменяется мрачным и пессимистическим:

Старый, добрый,
заезженный Пегас,
Мне ль нужна твоя
мягкая рысь?
Я пришел,
как суровый мастер,
Воспеть и прославлять
крыс.

Еашка моя,
словно август,
Льется бурливых
волос вином,
Я хочу быть
желтым парусом
В ту страну,
куда мы плывем,

В контексте метафорических обобщений и выводов высказывается нечто негативное. Следует добавить, что Есенин преднамеренно недоговаривает то, что читается между строк. Действительно, каких «крыс» намеревался «воспеть» он? И зачем?

По просматриваемым смысловым ассоциациям поэт желает, вероятно, «прославить» загадочных лидеров

страны таким образом, чтобы поставить их на свое место, дав им подлинное имя. Здесь наблюдается не только саркастическое противостояние «сурового мастера» идейным вождям страны, но и самоироническое, умилительно подогретое «вином» отчаяния и самому себе — «желтому парусу» — безверие в модель предлагаемого социалистического плаванья, куда отчаливала после революции страна.

Современная Есенину критика трудно воспринимала это произведение. К сожалению, первал публикации «Исповеди хулигана» в сборнике имажинистов «Золотой кипятый» (1920 г.) содействовала рядом с заливчатски обнаженной директивной стихотворения А. Мариенгофа «Развратничая с влдохновением» и ошарашивающим читателя откровением В. Шершеневича «Я пришел совершить свои ласки супруга с заводской машиной стальной». Интересное содружество поэзий, не правда ли?

Познание своего имажинистского языка и его форм открыли Есенину большие возможности лучше видеть себя в отраженном свете создаваемых произведений. А это значит — самостязание в прямом смысле слова. Подобной «игры» своим талантом нет ни у кого из современных ему поэтов. И теперь проясняется смысл слов Есенина, сказанных им И. Розанову: «С самых первых шагов самостоятельности я чутьем стремился к тому, что нашел более или менее осознанным в имажинизме».

В. НИКОЛЮК,

● ИЗ ПИСЕМ В МУЗЕЙ

1921 г. Мне было 19 лет. Начав с театральных подмоетков в одной из бродячих трупп НКПС, я стал трудиться в «Мастерской Коммунистической драматургии» и, конечно, начал посещать кафе «Стойло Пегаса», где быстро сблизился с «великолепным орденом имажинистов»: Мариенгоф, Шершеневич, Николай Эрдман (очень был талантлив), Юрий Ивнев (хорошили его совсем недавно), Матвей Ройзман и, конечно же, Есенин, Якулов и другие.

Не помню, кому из них (вероятно, Мариенгофу) принадлежат относящиеся ко мне слова: «...Он жизнь за нас отдать готов, но, и счастьем, не творит стихов». Стихов я действительно не творил, но вот и редакция «Гостиница для путешественников в прекрасном» имела как её секретарь самое непосредственное отношение.

Эти короткие строчки из своей достаточно длинной биографии я привожу здесь только для того, чтобы стало понятно, почему как-то вечером у памятника Пушкину на Тверской шедший навстречу мне Есенин отозвал меня от милой мне спутницы и прямо в лоб спросил, не хотел бы я поехать в Тифлис. И на мой вопрос объяснил, что только что они с Колобовым вернулись из Ташкента, а его (Колобова) «для поручений (адъютант) — дурак — женится и Почему-то просил их рекомендовать ему «своего парня».

На следующий день я зашел к ним домой (Богословский пер., рядом с «Норжем») и получил от Григория Романовича первое за-

дание: перегнать его вагон со станции ж. д. Сортировочная на станцию Москва—Казанская, что я успешно выполнил и через 2—3 дня мы все: Колобов и его «любушка» (так называл Есенин Лидию Эри), Мариенгоф с «мартышонком», красвоармеец Ментагир и я — выехали в Тифлис, где нас ждал Юрий Ивнев.

Сергея Есенина. Сам Г. Р. Колобов не был ни поэтом, ни писателем, но был во власти какой-то странной теории, что благополучие проживающих в той или иной области (республике, крае) людей определяется наличием, объемами и стоимостью потребляемой ими соли. Следуя этой «теории», он всем охотно рассказы-

Бану (см. письмо Есенина к Е. И. Лившицу от августа 1920 г.).

Что же касается дружбы Колобова с Мариенгофом, то она продолжалась только до появления его «Романа без вранья», который Вадим Шершеневич сразу окрестил «вранье без романа», а Колобов заявил, что порывает всякое знакомство с его ав-

поездах исполняла в вагоне функции секретаря-машинистки, печатая на пишущей машинке распоряжения, указания и докладные записки Г. Р. Колобова.

На этой машинке ехавший из Тифлиса в Батум поэт Юрий Ивнев сам напечатал стихотворение «Россия»:

Холодный день,
ведь это было в марте,
Когда еще заснежены

пути,
Я родину свою хотел
найти

И я искал её на карте...
Это стихотворение с трогательной надписью «Олегу, милому мальчику, на память» и подписью Юрия Ивнева у меня сохранилось.

К Колобову был прикомандирован красвоармеец Садык Ментагир (в просторечьи «Митя»), который выполнял обязанности денщика. Кроме него в вагоне был еще проводник — пожилой, седой грузин, ведавший отоплением и обеспечением вагона водой. С Ментагиром они были в большой дружбе, и когда на промежуточных станциях надо было заготовить кипятком, за которым всегда были длинные очереди, то Ментагир брал незаряженную винтовку и сопровождал нашего проводника-грузина, который понуро нес ведра, а Ментагир сзади восклицал: «Скорей пропускайте, взять кипятка арестованным!» Все ему сразу давали дорогу. Но Колобов, как-то узнав об этом, приказал мне немедленно эти инсценировки прекратить, что я и сделал к неудовольствию обоих действующих лиц.

О. СМЕРНОВ,
г. Москва, 1985 г.ВСПОМИНАЯ
О КОЛОБОВЕ

Григорий Романович Колобов (истати, он был не работником НКПС, а уполномоченным ВСР при СТО, т.е. «Высший Совет перевозок при Совете Труда и Обороне») оказался очень хорошим и интересным товарищем, с которым я проработал почти 3 года (до поступления в университет), и с точки зрения «школы жизни», в том числе и военных столкновений, я многое у него воспринял как в те, так и в последующие годы.

Григорий Романович Колобов, насколько помню, был уроженцем г. Перемышля (как и А. Б. Мариенгоф), и отсюда была их дружба, разрывавшаяся далее и на

вал, как всегда допытывался у местных жителей, есть ли и сколько стоит у них соль. Отсюда и дружеское прозвище Почему-то, которым его окрестили в своей компании Есенин и Мариенгоф и которое было подхвачено некоторыми «друзьями».

Относясь очень искренно (если не сказать заботливо и даже нежно) к Есенину и Мариенгофу, Г. Р. Колобов охотно предоставлял им возможность следовать в его вагоне для встреч с местными поэтами и для чтения своих стихов, если пункты этих встреч и чтений совпадали с маршрутами его командировок. Так, еще в августе 1920 г. Есенин ездил в вагоне Колобова в

торме.

Вагон, в котором Колобов ездил в Ташкент и в котором (уже со мной) поехал из Москвы в Тифлис, был вагоном 1-го класса с бронированными до окон боковыми стенками зеленого цвета, с небольшим салоном и двумя двухместными купе. По словам Григория Романовича, этот вагон в свое время был в распоряжении эскадрона Грузин.

Кроме стола, стульев и дивана, у последнего окна салона с левой стороны к стене был прикреплен столик для пишущей машинки. Лидия Ивановна Эри, очень красивая женщина, была женой Григория Романовича и при

● НА КНИЖНУЮ ПОЛКУ

КАК ЖИЛ ЕСЕНИН

Мемуарная литература о С. А. Есенине пополнилась интересным сборником* воспоминаний современников поэта. Авторы представленных в книге произведений входили в число близкого окружения Есенина, разделяя вместе с поэтом его неустойчивый быт и шумную славу. Составитель А. Л. Казаков собрал в сборнике пять взглядов-мнений о Сергее Есенине и его эпохе. Мемуары были написаны в разные годы, значительная часть печаталась в журнальном варианте или со значительными сокращениями. Воспоминания Софьи Семеновны Виноградской (1901—1964) «Как жил Есенин» впервые увидели свет в 1926 году и, по словам автора, «это лишь наброски, штрихи того Есенина, каким его удавалось видеть в течение нескольких лет». Некоторое время С. С. Виноградская жила в одной квартире с поэтом, поэтому в ее воспоминаниях есть такие детали, штрихи, замечания к есенин-

скому портрету, каких нет в других мемуарных записях. Избегая описания различных скандальных историй, освещая противоречивые отношения поэта с окружающими его людьми, автор на примерах внешних фактов сумела передать внутренний мир Есенина с его неповторимой есенинской лирической интонацией, приносящей поэту и радости, и страдания.

О романе Анатолия Борисовича Мариенгофа (1897—1962) читатель хорошо информирован. Изданный в 1927 году «Роман без вранья» произвел на читающую публику ошеломляющее впечатление, так как автор обнажил многие стороны жизни и быта людей, с которыми он дружил. Конечно, это был не роман, как это значилось в заглавии книги, а собрание небольших глав из жизни московской литературной богемы. Ровно 60 лет эта книга была у нас под запретом, а в есениноведении в основном приводились отрицательные отзывы о романе. Необходимо увидеть в произведении А. Б. Мариенгофа не стремление развенчать С. Есенина, а разглядеть, по мнению А. Л. Казакова, психологическую историю

бытия великого художника слова, историю, рассказанную с теневой, почти недоступной стороны его существования.

Книга Вольфа Иосифовича Эрлиха (1902—1937) «Право на песнь», включенная в данный сборник, единственная книга прозы автора. Изданная в 1930 году небольшим тиражом, книга стала заметным явлением в художественной мемуаристике, так как в ней зачатлены в простой и ясной форме многочисленные сцены из творческой биографии С. Есенина. Полная противоположность воспоминаниям А. Мариенгофа. Все, что рассказал В. Эрлих, — это информация из первых рук, рассказ от первого лица. Фактически Эрлих старался воплотить сказанные ему надежды Есениным слова: «Если ты когда-нибудь захочешь писать обо мне, так и пиши: он жил только своим искусством и только с ним проходил через жизнь».

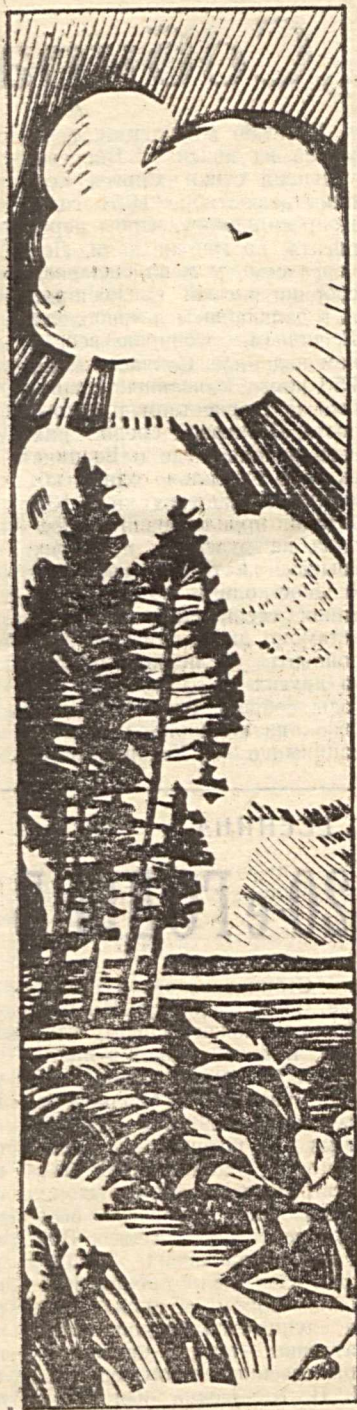
Долгие годы малоизвестными были воспоминания Вадима Габриэловича Шершеневича (1883—1942) «Великолепный очевидец. Поэтическое воспоминание 1910—1925 годов», работу над которыми он завершил в 1932 году. Полвека они пролежали в архиве. В предисловии к своим мемуарам В. Шершеневич

писал, что «это не история поэта, а быт поэтов». Он рассматривает свою жизнь в зеркале собственной литературной эволюции, субъективно оценивая своих современников. В данный сборник включены фрагменты, касающиеся личности Сергея Есенина.

Полностью нужно согласиться с мнением составителя, что воспоминания Надежды Давыдовны Вольпин (р. 1900 г.) «Свидание с другом» — это «не погоня за призраком былого, давно мнувшего и забытого, а сама ее жизнь, продолжавшаяся во времени от далеких 20-х до близких нам 90-х годов». Впервые опубликованные в полном объеме, воспоминания Н. Д. Вольпин следует рассматривать как исповедь любящей поэта женщины, которая нашла в себе силы дать жизнь сыну Сергея Есенина и воспитать его. В своей книге Н. Д. Вольпин не объясняет поэта, но описывает факты, ситуации реального быта С. Есенина, то есть отвечает на тот же вопрос: КАК ЖИЛ ЕСЕНИН? — который озаглавил этот сборник мемуарной прозы.

Тираж книги достаточно велик (100 000 экз.), поэтому она доступна широкому кругу интересующихся жизнью и творчеством С. А. Есенина.

Б. СТЫРИКОВИЧ,

* Как жил Есенин. Мемуарная проза. Челябинск, Южно-Уральское книжное изд-во, 1992 г. Составитель А. Л. Казаков.

● ХРОНИКА

САМОУБИЙСТВО, А НЕ УБИЙСТВО —

Вывод специальной комиссии

Общезвестны всенародная любовь к поэзии Сергея Есенина, интерес к его судьбе. Но в последние годы этот интерес как-то странно деформировался, сфокусировался на одном-единственном эпизоде биографии поэта — его трагической и страшной смерти. Поводом к этому послужило огромное количество публикаций, появившихся в последние несколько лет в печати. Их авторы — Н. Сидорина, Э. Хлысталов, Ф. Морехов, И. Лысцов, С. Кулиев, Е. Черновских и др., называя различные причины смерти С. Есенина, были единодушны в одном: великий русский поэт

ушел из жизни не по своей воле, а был убит. Версия его гибели, в ряде случаев весьма «узелкательная», менялась год от года, и чем больше их становилось, тем больше возникало вопросов к их авторам. Почему, работая с одними и теми же материалами (акт Гиляревского, посмертные фотографии, маски и пр.), вышеназванные поборники истины приходили к совершенно разным выводам по поводу истинной причины смерти поэта: убили выстрелом из пистолета, удушили, а потом повесили, прорвали череп и т. д.

исследование посмертных масок, подлинных негативов и фотографий, гипсовой посмертной копии правой кисти С. Есенина, а также оценка версий об убийстве поэта с точки зрения судебной медицины.

Заседание проходило бурно, и я погрешила бы против истины, если бы сказала, что доводы экспертов, полагавших, что «нет никаких оснований для подтверждения версии об убийстве С. А. Есенина», убедили всех присутствующих.

После заседания члены комиссии совместно с экспертами подготовили документ «От комиссии Есенинского комитета Союза писателей по выяснению обстоятельств смерти С. А. Есенина», который был оглашен на пресс-конференции, проходившей 1 июля 1973 г. в Институте мировой литературы.

В пресс-конференции приняли участие представители различных средств массовой информации: Московская программа телевидения, «Радио России», радиостанция «Юность», «Литературная газета», «Российская газета», «Московская правда», «Советская Россия», «Медицинская газета», «Комсомольская правда»,

высшего человека, по физическим данным близкого Есенину (рост, вес), с целью выяснения, на какой максимальной высоте могло быть осуществлено повешение на трубе парового отопителя с сохранением фиксации узла, а также моделирование пластилиновой копии посмертной маски поэта с трубой парового отопителя с целью выяснения характера возможных повреждений. Характер вдавления в области переносицы на посмертной маске и на пластилиновой копии был идентичным.

В ходе дискуссии одним из присутствующих было высказано мнение, что на членов комиссии оказывалось «давление», что и явилось причиной их поддержки «официальной» версии. В ответ на это обвинение выступил эксперт И. В. Демидов, который подчеркнул, что, в отличие от литературоведов, которые несут ответственность за написанное только разве что перед своей совестью, судебные медики и криминалисты несут юридическую ответственность (вплоть до тюремного заключения) за каждое написанное слово, не говоря о моральной ответственности за судьбу человека, находящегося под следствием, которая в значительной степени зависит от профессионального уровня проведенных экспертных исследований.

В настоящее время в Институте мировой литературы (издательство «Наследие») готовится к печати сборник, в который войдут все материалы, документы и исследования, имеющие отношение к гибели поэта. Надеюсь, что уже скоро этот сборник выйдет в свет.

Читайте, анализируйте, делайте выводы...

М. СТАХОВА,

Подобное расхождение во взглядах наводило на мысль, что, вероятно, исследованием материалов и документов, связанных со смертью Есенина, должны заниматься люди, способные дать профессиональную оценку имеющимся фактам.

В 1989 г. Есенинский комитет под руководством Ю. Л. Прокушева создал комиссию по выяснению обстоятельств смерти поэта. В работе комиссии были привлечены ведущие специалисты Научно-исследовательского института судебной медицины Минздрава Российской Федерации, Всероссийского научно-исследовательского института судебных экспертиз Минюста России, Бюро Главной судебно-медицинской экспертизы Минздрава России, экспертно-криминалистического центра МВД России, Бюро судебно-медицинской экспертизы Главного управления Мосгорисполкома, кафедры судебной медицины Академии имени И. Сеченова, Бюро судебно-медицинской экспертизы Главного управления здравоохранения Мособлсполкома, Генеральной прокуратуры Российской Федерации (управление по надзору за следствием и дознанием).

Итогом почти четырехлетней работы Есенинского комитета явилось расширенное заседание комиссии, которое состоялось 27 мая 1993 г. в Институте мировой литературы им. А. М. Горького.

В заседании приняли участие судебные медики, криминалисты, представители прокуратуры, члены ученого совета ИМЛИ и научной есенинской группы, сотрудники института, секретари Союза писателей, работники музеев и архивов, члены Есенинского комитета и общества «Радунница» — всего более 70 человек.

Открыл заседание председатель Есенинского комитета Ю. Л. Прокушев. С сообщениями выступили: судбно-медицинские эксперты А. В. Маслов, С. А. Никитин, И. В. Демидов, Э. И. Хомяков, В. Н. Крюков, А. М. Дейрев, криминалисты И. П. Майлис, Ю. П. Погибко, представители прокуратуры Н. Н. Дедов и В. Н. Соловьев, которые ознакомили присутствующих с результатами проведенных исследований: траснологическая и подчёркнутая экспертная, изучение всех видов имеющихся документов следствия и дознания по факту самоубийства

ШАГАНЭ—ИМЯ ПОЭТИЧЕСКОЕ

ОБ ОДНОЙ ЛЕГЕНДЕ ИЗ ЖИЗНИ ПОЭТА

(Окончание. Начало в № 7 «Мира Есенина» за август 1993 года).

В образах персиянок — Лалы, Шаганэ, Шаги, Гелии или безымянной восточной девушки — Есенин воплотил свое представление о героине восточной поэзии. Этот образ условен, лишен каких бы то ни было портретных черт, могущих напомнить реальную знакомую поэта. В образе персиянки слились черты тех многих женщин — знакомых и незнакомых, которых Есенин встречал на Востоке — и в Ташкенте, и в Баку, и в Тифлисе, и в Батуме. Поэт не до конца следует литературному приему древней, в том числе и персидской, поэзии — грушировать цикл лирических стихов вокруг одного имени: в пяти стихотворениях цикла героиня не имеет конкретного имени. Имена Лалы, Шаганэ и Шаги встречаются каждое в трех стихотворениях, имена Гелии и Шахразады — каждое в одном стихотворении.

Следует отметить, что в поэзии С. Есенина вообще нет ни одного подлинного женского имени. И даже в его лучшей лирической поэме, которую он писал в последний год своей жизни, героиней является Анна Снегина, а не Лидия Ивановна Кашиная, которую поэт любил и конкретными чертами которой он наделил свою героиню. Поэтому нет никаких оснований проводить какую-то параллель между персиянкой и батумской учительницей.

Кроме того, очень серьезные возражения вызывает сближение настоящего имени батумской учительницы Шагандухт с именем персиянки Шаганэ. В Белоусова удовлетворило объяснение Ш. Тертерян: «Мое полное имя (по документам) Шагандухт. Так как имя сложное, то дома меня называли сокращенно Шагой. Для благозвучия я добавила «э» (Шаганэ) по аналогии с армянскими именами Каринэ, Гаянэ, Манэ и др. Есенин тоже употреблял оба эти имени: Шаганэ и Шага» (письмо от З. П., 1959 г.).

Вызывает удивление, что никто из исследователей до сих пор не обратился к антропонимическим словарям армянских имен. Если бы это было сделано, возможно, не возникла бы и версия о Шагандухт Тертерян — есенинской музе, потому что в словаре армянских имен нет ни имени Шаганэ, ни имени Шага. В «Словаре имен» (на армянском языке) К. Г. Дургаряна, изданном в Ереване в 1985 году издательством «Ай-Астан», приведены личные имена: ШАХАНДУХТ (дочь шаха, царя, производное от слов «шах» и «дочь») — очень распространенное даже сейчас (стр. 136); ШАХАН

(перс. Шахэшах) — сокращенная форма имени (король королей), распространено в XI—XIII вв. Сейчас очень редкое имя. Употреблялось как личное имя и среди других народов (стр. 69). Но в словаре нет имен Шага (Шаха) и Шаганэ (Шаханэ), даже несмотря на то, что С. Есенин в «Персидских мотивах» прославил армянскую учительницу.

Об этом проинтересился Сем. Нариньян в фельетоне «Строчка пошпарели» (ж. «Огонек», 1959, № 1, с. 28): «Я не знаю, в каком доме жил поэт в 1924 году, когда он работал над персидскими стихами. Что же касается самих стихов, то весь этот цикл, как известно, Есенин посвятил своему близкому товарищу, редактору «Бакинского рабочего» П. И. Чагину. Одно из стихотворений цикла так и начиналось: «Чаганэ ты моя, Чаганэ...». Публикуя стихи, поэт по просьбе скромного редактора изменил букву «Ч» на «Ш». Так, собственно, и родилось новое женское имя, которого, кстати, нет ни в одних святцах мира».

В Белоусов действительно заметил: «Я не думаю, чтобы имя Шагандухт отсутствовало в святцах армянского католикоза и, следовательно, могло быть лишь у одной армянской женщины, о которой сейчас идет речь». Однако именно это имя, хотя его-то вряд ли знал Сергей Есенин, есть в армянских святцах, но, при наличии мужского имени «Шаган» (Шахан), нет его женского эквивалента.

Известно, что замысел «Персидских мотивов» у Сергея Есенина возник до приезда в Батуми: происходило это в теплые дни бакинской золотой осени после знакомства поэта с Василием Ивановичем Болдовичем (ему посвящено стихотворение «Прощай, Баку! Тебя я не увижу...»), только что приехавшим из Персии, которую он хорошо знал и любил. Он очень охотно, увлеченно рассказывал С. Есенину о загадочной восточной стране под названием Персия, подробно отвечал на разнообразные вопросы поэта, сразу почувствовал, что не праздное любопытство движет Есениным, а глубокий, подлинный интерес.

Разговоры о Персии продолжались почти в течение трех недель, которые друзья провели вместе. Откликом на эти беседы стали первые строки, наброски «персидских» стихов, а потом Есенин поделился с В. Болдовичем сокровенной «мечтой» написать целый цикл восточных стихов».

Г. ШИПУЛИНА.

• НАМ ПИШУТ

„Собираю

Работаю в милиции, собираюсь на пенсию. Впервые услышал стихи Сергея Есенина в сентябре 1951 года. Попросил книгу, чтобы переписать, но мне не дали. Лет через семь у меня был свой сборник поэзии С. Есенина. А в дальнейшем я «заболел» Есениным. Собираю все, о нем изданное. Сейчас у меня 753 книги, связанные с жизнью и творчеством русского поэта. Правда, среди них есть и такие, где о Есенине сказано буквально одним абзацем. Среди этих книг 133 издания произведений С. Есенина на русском и других языках. Есть в собрании большое количество грамзаписок есенинской тематики, осязательные материалы: альбомы, марки, конверты, экслибрисы и много других предметов. За эти годы собрано около 600 вырезок из журналов с публикациями о С. Есенине, масса газетных переписок. Есть каталоги авторов в качестве поэтов, картотека, насчитывающая наименования книг С. Есенина, кто писал о нем и в каких изданиях. Выпуски интересны и ценны, темного дала творца С. Есенина, в дальнейшем некоторые гались типонной прова 4-м выпуске в публ о дружес С. Есенина очень инте точность. споминания

• ИЗ АРХИВА МУЗЕЯ С. ЕСЕНИНА

ВСПОМИНАЯ 20-е ГОДЫ В ТАШ

Я работала в Туркестанской публичной библиотеке и оставалась в ней часто и после работы, так как библиотека была для меня и для моей мамы вторым домом.

До работы в Туркестанской публичной библиотеке мама (Николаева Александра Евгеньевна) преподавала русский язык и литературу в гимназии «Гориздр», в которой готовила способных девочек (в том числе и меня) читать стихи. Я помню, сколько мне стоили волнений эти выступления!

Мама сама училась в студи

дии Станиславского в Москве, в кружке у Гордона Крага, художественному чтению, и читала она великолепно, без аффектации.

По вечерам в библиотеке выступали поэты, с которыми из которых мы были знакомы. В библиотеке был организован драмкружок, инициатором которого был директор библиотеки Николай Николаевич Кулинский. Он был прекрасным декламатором — производил на слушателей большое впечатление, когда читал художественные произведения. Н. Н. Кулинский был раньше артистом, поэтому сво

бодно исполнил мимические жесты. Большим ташикентцев гея Есенина ла его вещей библиотеке. готовке к очень больш читательный влустить «роду, для получить решение. уже не рабе, но при так как бы варищеской могал ей в

• О ПРЕБЫВАНИИ В ТУРКЕСТАНЕ

ВОСТОК ВСЕГДА ЕГО МАНИЛ

(Окончание. Начало в № 3, 4, 5 «Мира Есенина» за 1992 г., в № 6, 7 «Мира Есенина» за 1993 г.).

До 27 мая 1921 года.

Ташкентские друзья продолжают знакомить С. Есенина с бытом и культурой узбекского народа. Была организована поездка за город в гости к знакомому Михайловым узбеку-землеладельцу Азимбаю, который жил на пригородной станции Келес. «В другой раз, когда Есенин пришел к нам, — вспоминала Е. Г. Макеева (Михайлова), — мы пригласили его после обеда поехать в Келес к знакомому отцу Азимбаю. Это был человек интересный, неплохо знавший русский язык и свою, узбекскую, поэзию; Есенина ему представили как большого «русского хафиза». По дороге С. Есенин беседовал с Владимиром, сыном Михайлова, который оставил об этом воспоминания: «Мы встретились вскоре, когда поехали на пикник к богатому узбеку-землеладельцу Азимбаю возле станции Келес. Там состоялся более конкретный разговор. Я, ещё зеленый, мало что видевший юноша, сказал, что мне чужда российская природа, березки, деревни, ржаные поля. Я, мол, люблю горы, каштаны, садм... Вот я и показал ему вдали на клеверное поле, где люди с сетями ловили перепелок, чтобы угостить нас пловом с перепелками. Есенин посмотрел на меня с сожалением.

ревья, и даже реки. Салар, Боз-су вырыты людьми. Это не то. Красиво, но не то.

Больше на эту тему разговоров не было в тот день». Азимбай гостеприимно встретил гостей из Ташкента. Сохранились подробные воспоминания Елены Гавриловны Макеевой (Михайловой) об этой встрече: «На супе (тахта. — С. З.) у арыка, текущего рядом с его двухэтажным красивым домом, мы сидели довольно долго, ели сладости, а потом плов; затем Азимбай начал нарасспев читать стихи, по-моему, не только по-узбекски, но и, видимо, на фарси (говорю об этом потому, что узбекский я немного понимала). Есенин как бы в ответ прочел что-то свое, тоже очень напевное и музыкальное. Азимбай и его гости одобрительно кивали головами, цокали языками, но мне трудно было понять, действительно ли нравятся им стихи Есенина, или это обычная дань восточной вежливости и гостеприимству.

Но что я ясно ощущала — это то, что сам Есенин слушал стихи поэтов Востока очень внимательно и напряженно, он весь подался вперед и вслушивался в чужую гортанную речь, слыся словно воспринять её внутренний ритм, смысл, музыку. Он расслабил галстук, распустил ворот сорочки, пот стекал по его лицу (было жарко, и мы выпили много чая), но он как будто не замечал этого, слушал, ничего не комментировал и не хвалил, был задумчив и молчалив. Казалось, он сопоставляет услышанное с чем-то, и в нем идет невидимая работа; но, может быть, это только представилось мне?

На обратном пути Есенин обратил внимание на то, что ни «за столом», ни рядом совсем не было женщин, кроме нас с Ксаной. Правда, изредка появлялась закутанная в темное фигура или откуда-то выдвигалась тонкая рука с подносом, чаем или пловом. Отец рассказывал о тогдашних, еще живых обычаях мусульман, об ичкарни, о том, что большинство узбекских женщин не скоро ещё снимут чадру, хотя с этим ведется борьба. Есенин вспомнил стихотворение Ширяевца на эту тему, но сказал, что оно не волнует, поскольку подлинность эмоций в нем не подтверждена искренностью живого слова (передаю, конечно, примерный смысл сказанного).

Не думаю, чтобы этот разговор имел непосредственное отношение к той теме, которая пройдет впоследствии через многие стихи «Персидских мотивов», но, кто знает, может быть, какое-то зерно идеи и зародилось в душе Есенина в тот момент?» (см. П. Тартаковский, Свет вечерний шафранного края. Ташкент, 1981, с. 81—82, 84—86).

27 мая 1921 года. С. Есенин был в гостях у ташкентского поэта Валентина Ивановича Вольпина (1891—1956), с которым познакомился зимой 1921 года в Москве. Тесная дружба с В. И. Вольпиным продолжалась до последних дней поэта. В Москве, куда В. И. Вольпин переехал во второй половине 1923 года, они часто встречались. На сборнике «Персидские мотивы»

С. Есенин оставил дарственный автограф: «Милому Вольпину — люблю, люблю. С. Е.» («Русская литература», 1970, № 3, с. 167). В 1926 году В. И. Вольпин издал «Памятку о Сергее Есенине», оставив интересные воспоминания о пребывании поэта в Туркестане, опубликованные в 1926 году.

В этих воспоминаниях приводятся сведения о первом чтении драмы «Пугачев» на квартире В. И. Вольпина: «Однако он почти целиком прочитал свою трагедию через два дня (после литературного вечера в Туркестанской библиотеке 25 мая 1921 г. — С. З.) у меня на квартире Долго тянулся обед, затем чай, и только когда уже начало темнеть, Есенин стал читать. Помнил он всю трагедию на память и читал, видимо, с большим наслаждением для себя, еще не успев привыкнуть к вещи, только что законченной.

Вещь производила огромное впечатление. Когда он, устав, кончил чтение, произнес заключительные строки трагедии, почувствовалось, что и сам поэт переживает трагедию, может быть, не менее большую по масштабу, чем его герой. Боже мой!

Неужели пришла пора? Неужель под душой так же падаешь, как под ношей? А казалось... казалось... еще вчера... Дорогие мои... дорогие... хорошие...

Он кончил. И вдруг раздалась оглушающая аплодисменты. Аплодировали не мы, нам это в голову не пришло. Хлопки и крики неслись из-за открытых окон (моя квартира была на первом этаже), под которыми собралось несколько десятков человек, привлеченных громким голосом Есенина.

Эти приветствия незримых слушателей растрогали Есенина. Он сконфузился и заторопился уходить.

Через несколько дней он уехал дальше, в глубь Туркестана, завоевав еще один город на своем пути» (С. А. Есенин в воспоминаниях современников. М., 1986, т. 1, с. 426—427).

29 мая 1921 года. Возможно, что С. Есенин уговорил Г. Р. Колобова проехать дальше в глубь Туркестана, посетить города Самарканд, Бухару, Ашхабад (Полторацк). В это время до Самарканда можно было доехать поездом № 4, а дальше от Самарканда до Красноводска курсировал поезд № 3 (см. «Расписание хода пассажирских поездов № 3, 4 через станцию Самарканд с 1 мая 1921 года»). До Самарканда из Ташкента поезд отправлялся дважды: в воскресенье и среду; прибывал в Самарканд в понедельник и четверг в 10 часов 12 минут утра. После 21-минутной стоянки поезд № 4 отправлялся из Самарканда в Ташкент обратно (см. газ. «Пролетарий», Самарканд, 13 мая 1921 г.).

В воскресенье, 29 мая, вагон Г. Р. Колобова прицепили к поезду № 4 (других поездов в этом направлении не было), ехали часть дня и ночь, вместе с С. Есениным выехали в Самарканд Елена Михайлова (см. Тартаковский П. «Свет вечерний...», с. 119—120).

30 мая 1921 года. С. Есенин с друзьями прибыл в город Самарканд. Он никого из самаркандцев не узнавал о своем приезде. С чтением стихов не выступал. По воспоминаниям Е. Г. Макеевой (Михайловой), С. Есенин «хотел лишь осмотреть старинные архитектурные ансамбли, ступить на древнюю землю Согдианы, познавшей многих завоевателей и властителей, ушедших в небытие, но сохранившей одну лишь власть — негленную и вечную власть красоты» (см. Тартаковский П. «Свет вечерний...», с. 121).

3 июня 1921 года. С. Есенин посетил Самарканд, который в 1-й утра отбыл день С. Есенин были жал Голод Сырдарья, и аулы. 3 июня 1921 года Семья Мих сила всех обед к себе поминания ва, от-Сэжа р-ий с бу

О Марии Васильевне Прохиной

Среди активных друзей ташкентского Музея Сергея Есенина была Мария Васильевна Прохина (1902—1989 гг.). Помню, как, решительно постукивая своей опорной палкой, она умела заставить себя услышать даже в тех случаях, когда окружающие ее бывали вовлечены в обсуждение различных бытовых проблем. Звонкий, молодой по интонации голос набирал особую силу, если ей доводилось заговорить о своем соотечественнике Сергее Есенине. А как она читала его «Русь советскую» или «Песнь о собаке», или собственные стихи, посвященные поэту! Знали Марию Васильевну и московские есенинголюбцы — Анна Тимофеевна Антоновская, Маргарита Ивановна Малова и др., которые пополняли свою коллекцию фотографий о Есенине из ее личного собрания, взамен присылая новинки, появившиеся у есенинцев столицы. В музей же привела Марию Васильевну и подготовила встречу Татьяна Сергеевна Есенина. В одном из телефонных разговоров она сказала, что желательно встретиться с односельчанкой С. А. Есенина, женщиной талантливой, самобытной, с небольшими причудами. Рассмеявшись, Татьяна Сергеевна добавила, что ей Прохина прочитала весьма игриво, почти озорное стихотворение об отце, и в этом что-то есть!

В музей Мария Васильевна пришла не с пустыми руками. Принесла она рязанские лапти, юбку с кофтой своей матери, Аграфены Яковлевны, которая была подругой Татьяны Федоровны Есениной, матери поэта, другие предметы крестьянского русского быта. При встрече она образно рассказала о своем детстве, обращая внимание на то, каким ей запомнился паренек, которого она тогда знала как Ясенина, внука Федора Титова, сотоварища ее огненно-рыжего деда родного. «Вот скоро мне уже будет семьдесят, — говорила Мария Васильевна, — а до сих пор не могу забыть обиду, нанесенную мне Сергеем-озорником. Ведь это он не пустил меня со старшими ребятами в лес, прогнал взащей. Но я все равно пробралась за ними тайком и видела, как они там целовались, обнимались, баловались! Об этом и стихи сложила. Назвала их «Святки в слободе»:

Девки на Святки
играли в прятки —
С Пашкой, Юшкой,
Мироновым Тимошкой,
Есениным Серержкой.
Пели, плясали,
в лаптях снег приминали,
в срубы забегали...»

Вспомнила Мария Васильевна и о том, как в весеннюю распутицу, добираясь из школы в Спас-Клепиках домой на каникулы, Сергей Есенин заходил к ним в село Шахмино, где она жила, обсушиться. А в летнюю пору Сергей шел мимо их дома босиком, перекинув через плечи сапоги. Слышала она и грустное признание поэта о том, что его в селе как поэта не знают. Она прочитала всем известные слова Есенина: «Моя поэзия здесь больше не нужна. Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен...» Что было, то было! Для большинства односельчан знание бытовых подробностей заслонило истинное значение поэта. Сама Мария Васильевна была потрясена, когда, приехав к родным из голодной Москвы, где она училась на рабфаке, узнала, что так хорошо знакомый ей с детства титовский внук и есть тот знаменитый поэт, о котором говорили в столице, особенно после трагической развязки зимой 1925 года. В Константиново же, услышав имя Есенина, Прохина воскликнула: «Как же! Знаю — великий русский поэт Сергей Есенин! Да вот недавно повесился...» На это ей ответили, кивнув в сторону Татьяны Федоровны, матери поэта: «Вот Татьяна смурая и ходит!» Для Марии Васильевны нелегко в то время было соединить образ столичного поэта, вокруг которого было много легенд, слухов, с образом своего соотечественника. Но с тех пор она выучила наизусть и всегда была готова читать не только стихи, но и поэмы Есенина, лишь бы были слушатели.

Мария Васильевна Прохина, в девичестве Моисеева, уроженка села Шахмино Рязанской губернии, прожила долгую жизнь. Жена военного, мать троих детей, слушательница Тимирязевской академии, она в конце 20-х годов попала в Туркестан, поселившись в Ташкенте. Городская жизнь сильно изменила ее быт, общественное положение, но Мария Васильевна сумела сохранить привязанность к крестьянскому миру. Не без ее влияния ее внук В. Шапо стал известным в Ташкенте художником, архитектором, активно помогая созданию новой экспозиции Музея Сергея Есенина. Почти потеряв к концу жизни зрение, Мария Васильевна сохранила душевную зоркость, добрую отзывчивость на чужую беду, ясность ума и настоящую энергию творческой личности. Такой мы ее и помним!

А. МАРКЕВИЧ.

Все о нем

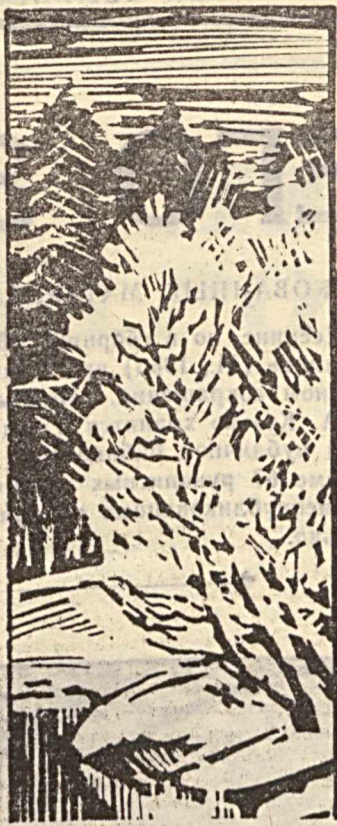
ных вырезок. Веду книгу с есенинголюбцами. Книги с автографами много о жизни и творчестве. Много лет веду книгу, которая сейчас имеет около 10 тысяч страниц, — о современнике С. Есенина, о всех, кто о нем при его жизни писал. Настоящее время. Книжки «Мир Есенина» вы по замыслу и редакции. Много познавательного для интересующихся исторической биографией поэта. Хотелось бы, чтобы в будущих публикациях были сведения о подтвержденной фактической проверке. Например, в публикации «Мир Есенина» Ф. Зубова жестких шаржах на поэта, которая в целом интересна, допущена ошибка. Цитирую: «В воинах современников

рассказывается, что поэту нравился шуточный рисунок работы художника И. Старцева, на котором С. Есенин изображен прогуливающимся под руку с овцой...» Но если обратиться к воспоминаниям Ивана Ивановича Старцева, поэта, библиографа, журналиста, который в свое время был заведующим кафе имажинистов «Стоило Пегаса», то прочитаем: «...В эту зиму ему (С. Есенину. — Н. Ф.) на именины был подарен плакатный рисунок (художника не помню) — сельский пейзаж. На рисунке была изображена церковная колокольня с выходящими над ней стрижками, проселочная дорога и трактор с надписью «Стоило». По дороге шел Есенин в цилиндре, под руку с овцой. «Картинка» много радовала Есенина. Показывая ее, он говорил: «Смотри, вот дурной, с овцой парсе-

вал» (см. «Воспоминания о Сергее Есенине», изд. «Моск. рабочий», 1965, с. 247). Следует признать, что шарж был нарисован неизвестным художником, а не И. Старцевым.

Вероятно, следует считать ошибкой употребление слова «синий» в цитате, которую приводит Т. С. Есенина в очерке «Об отце» (вып. 1 «Мир Есенина»): «...В июле 1917 года Есенин совершил поездку к Белому морю («Небо ли такое синее или солью выцвела вода?»). И в «Воспоминаниях родных, Сергей Есенин» (изд. «Моск. рабочий», 1985 г., стр. 129) также указано, что небо синее. Но если обратиться к публикациям этого стихотворения, что там сказано: «Небо ли такое белое, Или солью выцвела вода?» Думаю, что слово «белое» соответствует авторскому тексту, а использование определения «синее» — в данном случае техническая ошибка.

Н. ФЕДОСЕЕНКО.

Ташкенте

использовал при чтении микстуры и выразительности. Одним из событий для меня был приезд Есенина. Мама устроила вечер у себя в детской комнате. Работа по подготовке вечера была большой, так как в этот зал пришлось очень много наклеить для чего надо было сделать специальное разделение. А. В. Ширяевец работал в библиотеке приходил ежедневно. Он был с мамой в ташкентской дружбе и пошел в организацию это-

го вечера. В первой комнате продавались сборники стихов Есенина.

На вечер присутствовало много поэтов: Джурга, Ширяевец, Светлый, Сибирий, Вольгин, Дружинин и др. Народу собралось очень много, было душно, окна не пропускали воздуха, так как на них висели желавшие слушать Есенина и не понавшие в зал.

Читал Есенин очень выразительно, и его чтение оставило глубокое впечатление. Овации были бесконечны. Впоследствии я слышала много отзывов в Ленинграде и в Москве, но даже превосходные чтения не производили такого впечатления. Только бесстыдство некоторых фраз заставляло опускать глаза и краснеть.

Дамы, особенно пожилые, глаз не сводили с Есенина, так как он и внешне был великолепен. В ширем, по тому времени, Ташкенте, когда на службу ходили в шитых дома тапочках и даже босые, он был в серо-зеленом костюме и лакированных туфлях. Я не смела попросить у него автограф, как другие, так как была еще очень застенчива.

Больше я С. Есенина нигде не видела, кроме как у входа в библиотеку, где он стоял в зеленой фетровой шляпе. У нас дома он не бывал.

Мария Георгиевна Кулинская (жена И. Н. Кулинского) говорила, что Есенин, Ширяевец и Вольгин собирались как-то у них на тер-

расе — читали стихи. С. Вольгиным, который был женат на маминной подруге Кларе, мы были знакомы, часто встречались, но я все забыла. Обстановка, в которой в то время жили ташкентцы, была более чем скромной.

На следующий день после выступления С. Есенина на вечер в библиотеке состоялось обсуждение. Мама сделала доклад для детей о творчестве Есенина и читала доступные им стихи о хлебе, о собаке и др., а мне больше всего понравилась о поэте («на лапах чужбинных поездов»).

СЕЛУЯНОВА Наталья Александровна, 27 июня 1939 г.

Средней Азии, в Персии, в Тегеране. Но потом я узнал, что Персия у Есенина выдуманна, и подумал: «Видно, все же взял что-то из русского поэта у неба и земли Туркестана», подметил на ташкентской улице, в чайхане, в узбекском дворике — во всем, что так легко проглядывает сквозь «персидские» пейзажи и детали его восточного цикла» (см. Тартаковский П. «Свет вечерний...», с. 78—79).

С 3 по 9 июня 1921 г.

Поездка из Ташкента в Москву в служебном вагоне Г. Р. Колобова, но с менее продолжительными остановками, чем по дороге из Москвы в Ташкент. Опять безлюдные степи Казахстана, предгорья Урала, величье Волги, леса России. Изредка встречались друзья. Поэт Семен Оков из Киева писал 27 июня 1921 года в Ташкент Ширяевцу: «В дороге, не то в Челябинске, не то в Актюбинске, забыл точно то, встретился мы с Есениным и около часа проболтали на литературные темы. Пригласил меня зайти к нему, продолжить разговор в Москве, но как я писал уже... зайти к нему мне в Москве не удалось» (см. Тартаковский П. «Свет вечерний...», с. 124).

Но поездка в Туркестан надолго запомнилась С. Есенину. Об этом он писал в своих автобиографиях, рассказывал друзьям. Через год, совершая поездку по Европе, встречаясь с эмигрантами, отрицательно относясь к западному быту, в письме из Г. Остенде Мариенгофу С. Есенин восклицает: «Вспоминаю сейчас... о Туркестане... Как все это было прекрасно!»

С. ЗИНН.

На рисунке: С. Есенин и А. Ширяевец в старом городе. Ташкент, 1921 г.

Худ. В. НИКОЛЮК.

«Колобов подарил моей матери ирисы, бретон преподнес младшей сестре Ксаночке букет алых роз, а Есенин вручил старшей сестре Леле (Елене Гавриловне Макеевой. — С. З.) — розы белого и нежно-желтого цвета» (см. Тартаковский П. «Свет вечерний...», с. 82).

Сохранились воспоминания художника Ф. В. Лихолетова, в которых делается попытка выяснить мнение С. Есенина о результатах поездки в Туркестан: «Мне показалось, что Есенину очень понравилось в Туркестане. Иногда он говорил о той свободе от мелочных дел и ненужных затей, которую испытывал здесь, о счастье жить как хочется, рядом с милыми и добрыми людьми, под этим вечным голубым, жарким небом, среди зеленых садов и журчащих арыков (он называл их ручьями). Но когда я однажды спросил его, мог ли бы он написать о Востоке, о туркестанской природе, которая вдохнов-

ляет нас, русских художников, он отрицательно замотал головой и сказал, что не представляет себе этого, что восточные стихи Ширяевца, хоть они и хороши, все же слабее, как ему кажется, тех, где русская душа поэта рвется из каждого слова.

Когда позже, через несколько лет, я прочел «Персидские мотивы» — прочел не сразу, а отдельными стихами, — я решил, что Есенину удалось побывать в Иране и именно это изменило его мнение о Востоке как возможном источнике поэтического вдохновения. Во всяком случае, так воспринял я, помню, первое же прочитанное мной стихотворение:

Улеглась моя былая рана,
Пьяный бред не гложет
сердца мне.
Синими цветами
Тегерана.
Я лечу их нынче
в чайхане.
Они показались мне написанными где-то здесь, в

с. 122). Есенин и Е. Макеева если древние памятники архитектуры Гур-амар, ан, выслушали легенды Биби-ханум. Бродили по углам старого города, ались старыми картами, которые поразили меня своей формой и зеленью. Поэт по своей снотнице, что обязательно напишет об этих удивительных самаркандских деревьях.

июня 1921 года. С. Есенин продолжал знакомить Самаркандом. Вечером Есенин и Е. Макеева (Йлова) побывали на клее Самаркандского «Теревсата» (Театр юморной сатиры), который организован не (см. газ. «Пролетарий» Самарканд, 19 мая 1921 г.). Репертуар был авлен современными и, в которых содержались классические пьесы, а также под революционную действительность.

В репертуаре «Теревсата» в мае 1921 года были пьесы «Когда спящий гел», «Интернационал», «Бомба» (см. Тартаковский П. «Свет вечерний...», с. 122).

июня 1921 г. Осуществил поездку в Туркестан (Бушхабад и др.) не уда. Время было тревожным, 3 четверть вагон был перенесен к поезду № 4 из Ташкента, и в 10 часов 33 мин. был в Ташкенте. Весь Есенин и его спутники были в пути, проезжая Голодную степь, реку, реку кишлаки.

июня 1921 года. С. Есенин был в Ташкенте. Михайловых пригласил на прощальный вечер. Но воспоминания В. Г. Михайлова, езжавшие в Россию с букетами цветов:

● МЕМУАРЫ

КАКИМ Я ЕГО ЗНАЛ

(НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

Петр Авдеевич Кузько (1884—1968) познакомился с Сергеем Есениным в январе 1918 года и поддерживал дружеские отношения до конца жизни поэта. В газетной публикации «О поэтах из народа. Сергей Есенин» («Кубанская мысль», Екатеринодар, 1915, 29 ноября) он одним из первых высоко отзывался о поэтическом даровании начинающего поэта. В 60-е годы П. А. Кузько написал воспоминания о

С. Есенине, но в сборнике «Воспоминания о Сергее Есенине» (М., 1965) они были напечатаны в значительном сокращении. Полный текст воспоминаний П. А. Кузько хранится в отделе рукописей Российской публичной библиотеки (фонд 144, Кузько) в объеме 67 рукописных страниц. Предлагаем читателю неопубликованные материалы из рукописи П. А. Кузько.

могиле Ширяева Есенин прочитал, по словам Рогачевского, «одну из жемчужин своей лирики — стихотворение «Мы все уходим понемногу».

Во время похорон Ширяева на Ваганьковском кладбище присутствующие, в том числе и я, обратили внимание на то, что когда гроб с телом Ширяева опускали в могилу, в ветвах дерева, находившегося вблизи могилы, раздались пенье соловья.

После похорон группа поэтов, в том числе Есенин, Клычков, Орешин и др. пришли в Дом Герцена «за поминки». Когда все немного подвыпили, Есенин, за что-то ободлившись на Орешина, собрался было уже вступить с ним в драку. Мы все стали их успокаивать, и все обошлось благополучно.

Один из моих знакомых Д. Ш. (Д. Шепеленко), начинающий критик, присутствовал тогда на похоронах Ширяева и бывший на поминках в Доме Герцена, рассказал мне:

«После поминков в Доме Герцена мы всей компанией пошли в кафе Филиппова угощать меня жареными белыми грибами (по его личному заказу для меня). А затем опять возвратились в Дом Герцена. И когда мы с Есениным остались вдвоем, он мне сказал, что Ширяев погиб от неудачной любви и что у него было кольцо с синим камнем — из кусочка мозаики гробницы Тамерлана в Самарканде. Под этим синим камушком был спрятан яд. Ширяев сам мне об этом рассказывал. Вот этим ядом он от своей неудачной любви отравился.

В процессе разговора я сказал Есенину, что хорошо бы на могиле Ширяева на камне для надписи выбить строки из стихотворения А. К. Толстого «На смерть Гаральда Сеген-хольда»:

Его голос звучал, как морская волна,
Мрачен взор был торжасный отец,
И была его длань, как погильель, сильна,
Сердце — зыблемой трясина слабея.

Под могильным холмом он без раны лежит,
Сам себе разрушитель и враг.

И сосна там раскинула сную ветвей,
Словно облик его, хороша,
И тоскует над ним по ночам соловей,
Словно песню кончат душа.

Тогда Есенин встал и громко заявил мне:

— Сообща между нами, что послезавтра мною будет написано стихотворение, которое превзойдет стихотворение Алексея Константиновича. Оно будет сильнее и вот его надо будет изобразить на могиле Ширяева.

Через несколько дней Есенин прочитал мне свое стихотворение «Мы все уходим понемногу».

Я же хочу заметить, что рассказ Д. Ш. о том, что Есенин посвященное Ширяеву стихотворение «Мы все уходим понемногу» написал после похорон Ширяева вернее, чем сказанное Львом Рогачевским, что Есенин прочитал это стихотворение во время похорон. Я лично не помню, чтобы Есенин читал это стихотворение на могиле Ширяева.

П. КУЗЬКО.

(Продолжение в следующем номере).

После переезда в Москву, 1918 г.

Есенин жил в гостинице «Франция», что была на углу Тверской и Газетного переулка, а двое детей находились у бабушки, матери Зинаиды Николаевны, в Орле.

Кроме моего гостиничного номера (П. А. Кузько в то время жил в гостинице «Лоскутная») мы часто встречались с Есениным в небольшом садике, это было уже в апреле-мае 1918 г., находившемся на площади Революции, но не в новом большом сквере, где стоит памятник Марксу, а в том садике-скверике, который находился рядом со зданием, где Музей Ленина.

В те дни, когда Сергей ссорился с Райх, она приходила к нам жаловаться на него, и мы с женой часто мирили их обоих.

У меня сохранился документ, связанный с коротким отпуском Зинаиды Николаевны в Орел к своим детям. Это была записка, написанная мною тов. Шульману Ефиму Григорьевичу, комиссару военного отдела снабжения хлебом и фуражом армии, и сотруднику Наркомпрода, ведавшему распределением квартир:

«Тов. Шульман! Предъявительница сего — Есенина, служащая секретариата — сейчас приехала из кратковременного отпуска. Ее номер случайно занят. Не сможете ли Вы на сегодня устроить ее с мужем в одном из свободных номеров? В. Кузько. 4. IV. 1918 г.»

Вскоре по приезде в Москву (1918 г.) я случайно нашел среди бумаг жены два стихотворения, посвященные: одно — приезду Бальмонта в Екатеринодар, а другое — Михаилу Фабиновичу Гнесину, тогда преподававшему музыку в Екатеринодарском училище. Стихотворения были напечатаны в кубанских газетах. Однажды я их прочитал Есенину. Стихотворение, посвященное Гнесину, Есенину понравилось, а Бальмонту — нет.

Но вообще нужно заметить, что о поэзии мы с ним разговаривали очень мало, а если и говорили, то только о его стихотворениях.

В садике на площади Революции мы с Есениным часто беседовали (главным образом по воскресеньям, а иногда и утром, до начала моих занятий в Наркомпроде, который находился тогда в Торговых рядах — ныне ГУМ).

Есенин в это время печатался и в газетах, и в журналах левых эсеров, публикуя там не только свои стихотворения, но и, например, статью «О Котике Летаеве» Андрея Белого.

Уже с лета 1918 г. Есенин стал гораздо сильнее пить.

Летом 1918 г. Есенин привел меня с собою в гости к Льву Повницкому, который жил на бывшей Большой Дмитровке, ныне Пушкинская. В гостях были Сергей Клычков, Петр Орешин, Буданцев и его жена Вера Ильина, поэтесса. Все мно-

го пили. Вера Ильина напевно выкрикивала, подставляя пустой бокал кому-то: «Вера Ильина хочет вина!»

Какая-то из женщин, еще присутствовавших на этой вечеринке, нахлобачилась кокаина, побледила и улеглась на диван почти в обморочном состоянии. Было очень шумно, но без скандалов. Разошлись поздно.

Вспоминаю и другое посещение Есенина, жившего тогда, как мне помнится, в Козихинском переулке, где-то недалеко от Палазовского рынка, по-видимому, в квартире Колобова (Райх не было). Когда я пришел к ним, их было только двое: Есенин и Колобов, и оба были пьяны и как будто немного ссорились. Это было незадолго до отъезда Есенина на Кавказ.

Есенин познакомил меня с очень симпатичным писателем, о котором я еще слышал в провинции (его рассказ «Петрунькина жизнь» был премирован одной из петербургских газет) — с Иваном Михайловичем Касаткиным, бывшим теперь членом ВЦИКа. Он познакомил меня с членом ВЦИКа Александром Ивановичем Морозовым, начальником Продармии, входившей тогда в состав войск внутренней охраны Республики, и с его женой Елизаветой Федоровной, большой поклонницей Есенина. М. Касаткин познакомил меня с А. С. Серафимовичем.

Отношение А. Серафимовича к Есенину было довольно сложным. Все подлинно художественное и народно-лирическое в произведениях Есенина того времени А. Серафимович ценил, чувствуя в Есенине большой природный талант. Но там, где Есенин проявлял свои «разбойные» настроения, свои имажинистские выверты, — все это раздражало подлинного ценителя народного творчества.

Наши беседы с Есениным в садике, в цветочном окружении (почему-то запомнилась и избушка сторожика) в один прекрасный момент раскрыли мне, почему у нас было друг к другу взаимное влечение. Ведь я уже в 1915 году в своей статье о нем говорил о его любви к родной природе. А это как раз и было одним из стимулов написания моей тогдашней о нем статьи.

Иногда, срывая цветок и нюхая его, Есенин поглядывал на деревья, цветы, рассказывая мне о красотах родной ему рязанской природы, о милых березках, о кленах, о полевых просторах.

Литературный отдел Наркомпроса (ЛИТО) находился в помещении в Малом Гнездиновском, а затем переехал на Моховую в здание рядом с Музеем Изящных Искусств (ныне Музей Пушкина).

Вокруг ЛИТО в это время группировались все новые начинающие писатели и старые литературные кадры, которые Луначарский при помощи Брюсова сумел сохранить. В ЛИТО были еженедельные вечера — «пятницы ЛИТО». Здесь

выступали и поэты, и прозаики, и музыканты. На этих вечерах читали свои стихи и Брюсов, и Маяковский, и Есенин, и все пролетарские и крестьянские поэты.

Есенин в это время довольно близко сдружился с философом Г. Г. Шпетом.

Были на «пятницах» Качалов, Мейерхольд, Таиров, Якулов, Берсенев, поэты Буданцев, Казин, Адалис, Орешин, Клычков, Санников и др.

К Есенину все они относились очень благожелательно. Но нужно сказать, что Есенин и Маяковский немилосердно относились друг к другу. Мне иногда казалось, что у Есенина в его отношении к Маяковскому сквозит некоторая зависть, хотя имена их и звучали в достаточной степени популярно.

При встречах я заметил: Есенин и Маяковский иногда пикетировались, настроенно относились друг к другу. Мне иногда казалось, что у Есенина в его отношении к Маяковскому сквозит некоторая зависть, хотя имена их и звучали в достаточной степени популярно.

Вечера проходили иногда довольно шумно. Были горячие споры по вопросам поэзии и литературы. Есенин, выступая в этих спорах, вел себя благопристойно, хотя уже и тогда он считался большим бунтарем. Но, помню, однажды Сергей Александрович принес к нам в одну из пятниц в нетрезвом виде и начал задирать Орешина. Брюсов попросил меня, чтобы как-нибудь потихоньку выпроводить Сергея. Мы со Шпе-

том взялись за это дело и, дружески разговаривая с Есениным, понемногу, то один, то другой держа его под руку, вывели на свежий воздух и проводили его домой.

Навещал нас в ЛИТО иногда и Борис Леонидович Пастернак, который жил в том же доме, где помещалось ЛИТО, со своим отцом, известным художником.

Ширяев и Есенин.

У Есенина была большая дружба с поэтом А. Ширяевым. В предисловии В. А. Красильникова к сборнику стихов А. Ширяева (Лув.-бышев, 1961 г.) читаем: «Вместе с Сергеем Есениным, Петром Орешиним, Фоминим и другими выходцами из деревень центральной России выступал от имени трудового крестьянства, как продолжатель кольцовской и суриковской песенной традиции». А во вступительной статье к сборнику Ширяева «Волиские песни» Львом Рогачевским говорится: «Когда я встречался в 1917 году с С. Есениным, он каждый раз с юношеским увлечением говорил о Ширяеве». И дальше: «Но, дружа с Есениным, Ширяев отрицательно относился к его московскому окружению», но «превращения Ширяева. — П. К.) широко приветствовался его товарищами по неру в 20-е годы, особенно Сергеем Есениным».

Ширяев умер в 1924 г. 15 мая, после болезни. На

• ЕСЕНИН И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

ЗАБЫТОЕ ИМЯ: Зоя БУХАРОВА

Пустое дело — искать фамилию в сборниках «Серебряный век», нет там поэтессы Бухаровой. И, между прочим, зря. Среди ее знакомых были А. Блок, С. Есенин, К. Бальмонт, Н. Клюев, другие знаменитости начала нынешнего века. И писала она не только стихи, но и рецензии на поэтические сборники, делала переводы пьес зарубежных авторов.

Зоя Дмитриевна Бухарова родилась 28 января (10 февраля) 1878 года в Амстердаме в семье дипломата Дмитрия Николаевича Бухарова, члена Российского географического общества, автора нескольких книг, в том числе «Путешествие по Лапландии» и «Россия и Турция». Ее дед Николай Иванович, ротмистр, был ярким представителем «могучего, лихого племени гусар» 1810-х годов. В 1834 году в Царском Селе под его начальством служил М. Ю. Лермонтов, посвятивший своему командиру стихотворения «К Н. И. Бухарову» и «К портрету старого гусара». В семье Бухаровых долгие годы хранился акварельный портрет поэта, пропавший, к сожалению, в годы блокады Ленинграда.

Мать будущей поэтессы Александра Викторовна (до замужества — Аничкова) приходилась тетей крупнейшему фармакологу и физиологу Сергею Викторовичу Аничкову, академику, лауреату всех высших премий бывшего СССР. В книге воспоминаний «На рубеже веков» (Л., 1981) он писал: «Интересна была семья старшей сестры отца — тети Саши... вдовы исковского помещика. Она увлекалась сценой, в молодые годы играла в любительских спектаклях, но профессиональной актрисой сделалась, лишь достигнув поздних лет, когда стала играть старух. Она принадлежала к труппе Передвижного театра, возглавлявшегося Павлом Павловичем Гайдебуровым, и была очень дружна с ним и его женой, сестрой Веры Комиссаржевской...»

Детство Зои Бухаровой прошло за границей. После службы в Нидерландах отца

перевели в Иерусалим. Там, в пансионе при католическом монастыре, в 1885—1888 годах девочка получила начальное образование. В конце 1888 года Д. Н. Бухаров тяжело заболел. Пришлось оставить службу, вместе с семьей вернуться в Россию. Поселились в родовом имении Любенецке Исковской губернии. В конце 1889 года Дмитрий Николаевич скончался.

Александра Викторовна переехала с детьми в Петербург. Зоя поступила в Павловский институт (Знаменская улица, 8), но закончить его по болезни не смогла. Вернулась в Любенец, откуда часто приезжала в столицу. Именно в этот период начала писать стихи.

В 1889 году Зоя вышла замуж и переехала в имение мужа — село Батино Порховского уезда Псковской губернии. Однако семейная жизнь не заладилась. В 1902 году, после развода, с двумя детьми переехала к матери в Петербург. Здесь целиком посвятила себя литературно-театральной деятельности.

Первые публикации Зои Бухаровой появились в журналах «Нива», «Север», «Всемирная иллюстрация» в 1892 году. Основные мотивы ее ранних стихотворений — лирика и философия, поиск смысла жизни. Творчество поэтессы развивалось в трех направлениях: стихи, рецензии на новые книги и спектакли, а также переводы. С 1903 года все эти грани ее дарования нашли отражение на страницах журнала «Театр и искусство», в котором она долгие годы печаталась. В том же 1903 году в столице вышла книга «Стихотворения Зои Бухаровой».

Сборник заметили, он вызвал ряд благожелательных отзывов.

Поэтесса познакомилась со многими антрами и режиссерами. Одно из стихотворений посвятила Вере Комиссаржевской. Активно сотрудничая с театром Гайдебурова и Скарской, публиковала статьи в журнале «Записки Передвижного театра», переводила пьесы зарубежных драматургов, редактировала произведения молодых петербургских авторов. Часто писала о творчестве Гайдебурова и Скарской в журналах и газетах.

Любопытно пересекаются судьбы людские. С Передвижным театром сотрудничали и питерские друзья Сергея Есенина В. С. Чернявский и М. П. Мурашев. Вместе с ними поэт бывал на спектаклях и репетициях, где и познакомился с Зоей Бухаровой. Это произошло, вероятнее всего, в ноябре-декабре 1915 года. К этому времени Есенин был уже хорошо знаком с ее творчеством, оно казалось близким ему и понятным. Действительно, в стихах Зои Дмитриевны явственно звучат интонации классической лирики. По признанию самой поэтессы, ее любимыми поэтами были Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Фет. Некоторые из ее стихотворений положены на музыку. Широко известен «Ноктюрн» на ее слова.

25 октября 1915 года Зоя Бухарова посетила вечер литературно-художественного общества «Краса» — он состоялся в помещении Тенишевского училища (Моховая, 33—35). Ее отчет о вечере, на котором выступали С. Есенин, С. Городецкий, Н. Клюев, А. Ремизов, 4 ноября 1915 года опубликовали «Петроградские ведомости».

Сергей Есенин посещал квартиру Бухаровых в конце 1915 — начале 1916 годов. Об этом вспоминал друг поэта, студент, затем актер В. С. Чернявский. По его словам,

Зоя Дмитриевна «крайне тепло и чутко» относилась к молодому стихотворцу. По праву очень близких к нему людей звала его «Сергуней».

Где жили тогда Бухаровы? В справочной книге «Весь Петроград» на 1915 и 1916 годы указан адрес Александры Викторовны: Кавалергардская улица, 8. По этому же адресу значится Зоя Дмитриевна Казина. Это фамилия поэтессы после замужества. А печаталась она под девичьей, иногда под инициалами «З. Д.», «З. Б.».

По дню знакомства с Зоей Бухаровой стихи Есенина уже были опубликованы во многих столичных периодических изданиях. И вот первый сборник — «Радунца», вышедший в конце января 1916 года в издательстве М. В. Аверьянова (Набережная Фонтанки, 38). Получив около пятидесяти авторских экземпляров, поэт принял дарить его близким, знакомым. Долгие годы считалось, что одним из первых книгу получил школьный учитель Есенина — Е. М. Хитров (29 января). М. П. Мурашев и Ю. К. Балтрушайтис (4 февраля). А. М. Пешков-Горький (10 февраля).

В 1990 году стало известно, что 31 января сборник был вручен З. Н. Гиппиус и З. Д. Бухаровой. Текст посвящения Гиппиус пока неизвестен — книга находится в частном собрании. Дарственная надпись Бухаровой впервые была оглашена в Липецке в сентябре 1990 года на X Есенинских чтениях. Ее огласил владелец уникального экземпляра П. И. Пропалов, житель города Вязьмы.

Вот эта надпись: «Дорогой Зое Дмитриевне Бухаровой с любовью и искренним расположением, Сергей Есенин, 31 января 1916 г. Петроград».

В мае 1916 года в литературном приложении к журналу «Нива» № 5 появилась рецензия Бухаровой на «Радунцу». Тут же были напе-

чатаны ее отзывы на сборники «Поэзия как волшебство» Константина Бальмонта, «Подень» Бориса Садовского, «Мирские думы» Николая Клюева.

Нетрудно представить, как порадовали молодого поэта искренние слова рецензента, как много они значили для его дальнейшего творческого роста.

К сожалению, мы почти ничего не знаем о послереволюционной судьбе семьи Бухаровой. Известно лишь, что в конце 1918 — начале 1919 г. Зоя Дмитриевна жила в городе Тороне Псковской губернии и заводила там художественной сенцией городского отдела народного образования. Эту скудную информацию удалось почерпнуть из ее письма А. А. Блоку, в котором она сообщала о своем восторженном отношении к поэме «Двенадцать» и просила выслать ей экземпляр поэмы.

Блок выполнил просьбу. В его дневнике от 11 февраля 1919 года есть запись: «Двенадцать» — Имняинский, Станиславскому и Немировичу-Данченко. — Заказные В. Мужейло, А. Шрейдеру и З. Бухаровой».

В Москве, в Центральном архиве литературы и искусства, хранится датированная 1923 годом автобиография Зои Дмитриевны. Там есть строки: «Двенадцать» Блока перевернули все мое уже подготовленное... мировоззрение до основания. Тем не менее христианская и даже церковная мистика осталась первостепенной в моей поэзии, несмотря на определенное утверждение мною революции с первого до настоящего дня».

В какой-то мере последующую судьбу Зои Дмитриевны и ее родных раскрывают воспоминания П. П. Гайдебурова: «Все члены семьи Бухаровых, оставшиеся в живых (то есть дожившие до войны 1941—1945 годов. — Л. К.), погибли частью в Ленинграде, частью на фронтах Великой Отечественной войны».

Жизненный путь забытой поэтессы еще ждет своего настойчивого и вдумчивого исследователя.

Л. КАРОХИН.

«РАДУНИЦА»

1916. Издательство М. В. Аверьянова

Имя Сергея Есенина ставят у нас рядом с именем Николая Клюева. Между тем общее между этими двумя поэтами только одно: народность. Правда, оба они — дети деревни, лижут от деревне. Но и подход их к своим темам, и манера, и форма трактовок совершенно разные.

Сергей Есенин очень молод, и на всем его сборнике лежит прежде всего печать подкупающей юной непосредственности. Соблазны культуры почти ничем еще не задели ясной души «Рязанского Лая». Он поет свои звонкие песни легко, просто, как поет жаворонок. Усталый, пресыщенный горожанин, слушая их, приобретает к забытому аромату полей, бодрому запаху черной, разрыхленной земли и неведомой ему трудовой крестьянской жизни, и чем-то радостно-новым начинает биться умудренное всякими исканиями и искусствами влос сердце.

Сергей Есенин пленителен именно в песнях, взятых прямо от пашни, от нивы, от сножоса. Так, «Микола», открывающий сборник, весь пронизан красотою кристально-чистой, детски-трогательной религиозной и бытового гармонии. Как уми-

лительно наивен, например, разговор Микола с Богом, представление о рае и вообще все это богатое и красочное, и музыкой стихотворение. Сергей Есенин музыкален и красочен. Он дириж и художник родного быта. В последнем отношении интересные пьесы: «Калики», «Поминки», «Дед», «В хате» и др. Мыслитель в нем только еще намечается, но намечается своеобразно, чутко, истинно народно: «Не с бурным ветром», «Сторона мол, сторожка».

Особенно характерны для молодого поэта «Маковые побаски» (второй отдел), где так ярко зарисована жизнь деревни в ее праздниках, труде, общности, где ласковые, свежие строки, при всей их внешней легкости, обвеяны дымкой кроткой, не вполне еще осознанной, чистославянской грусти.

С технической стороны у Сергея Есенина встречаются недочеты. Так, он злоупотребляет вещественными сравнениями: «кружево леса», «плат небес». Это бескусно, некрасиво, этого надо избегать. Также и ритм его песен немного однообразен. Но недостатки эти несерьезны и, конечно, со временем будут преодолены талантливым автором «Радун-

ницы». Но читающему даже как-то и не хочется видеть эти милые песни в строгой технической обработке. Странно, как бы не потеряли они своей очаровательной непосредственности, не слились с массой шаблонно-народных стихотворений, которыми грешат многие наши поэты.

У Сергея Есенина есть, несомненно, будущее. Но он должен твердо держаться принятого пути, не увлекаться опасными модными течениями, погубившими уже столько свежих дарований. Мы так давно, так мучительно ждали голоса родной земли, родной деревни.

Тяжелые настоящие времена, сквозь свои слезы и кровь, словно в утешение дарят нам гордость и радость таких подлинно-национальных талантов, как мудрый, глубокий «сказитель» Клюев и нежный, ласково-чарующий крестьянский лирик Сергей Есенин. Приветствуя их книги, мы согреваемся душою и верим в самые светлые достижения непочатых, неиссякаемых сил нашего народа.

З. Б. Журнал «Нива». Ежемесячное литературное приложение № 5. Май 1916 г.

• ПОЭТИЧЕСКИЙ ВЕНОК

К ЕСЕНИНУ...

Касаясь подоконников
В чарующую рань,
Идут цветы-паломники
К Есенину в Рязань.
Идут чистюли-неженки,
Как ходки от нас.
От первого подснежника
До предосенних астр.
Придут, не затеряются
Через Мордву и Чудь
Все злаки, что
встречаются,
Скликают они в путь.
Нежны и хрупки путники,
Что людям так близки, —
Фиалки, маки, лютики,
Ромашки, васильки.
И новилуку с душицей,
И ландышей сердца.

Совет рожок пастушеский
Вихрастого венца,
Трудна дорога длинная,
И тропки нелегки.
В селевье Константиново
На берегу Оми,

Дойдут голубо зыбкою,
Головки приклонят
Пред скриплюю калиткою
У дома в три окна.
В любую непогодину,
Когда приходит срок,
Плетет цветами Родина
Есенину венки,
И в душах светозарному
Вовек не отнять
За все то несказанное,
Что он сумел сказать.

А. РУЗАНОВ.

ФОТОГРАФИЯ РОДИТЕЛЕЙ ЕСЕНИНА

Сидят рядком,
Но так особо,
врозь,
так непохожи
взглядом и обличьем!
У матери
степенность и величие.
Отец по виду
— «оторви да брось»,
подхватистый
работать и гулять,
присел на бочку,
ноги — наготове...
И объектив тоску
в глазах уловит.
«На пустяки
потратилась опять,
сама пристала:
— Спимеся давай,

Серее в память,
ведь просили, надо...»
И матерански умудренным
взглядом

прибавила построжке:
«Не замай!»
Их разводили
и сводили вновь
согласие с нуждою,
да и соры...
Но ведь была минута,
от которой
в их мальчишке
затеплилась любовь.
Теперь судите,
все ли туга и драки,
состарив лица,
искривят бока?
...Лежат их руки,
жилито — однаки,
Есенина качнувшие
в веча!
А. БАЕВА.

● ЕСЕНИНИАНА В КНИЖНЫХ ЗНАКАХ

ЕСЕНИНИАНА

Н. И. ЯЦЕНКО

ЕСЕНИНИАНА

АННЫ

ГРАФИКА
ВАСИЛИЯ
ЛЕОНЕНКО

В Ульяновской областной библиотеке организована по инициативе «Клуба друзей Сент-Экзюпери» (председатель Н. И. Яценко) выставка книжных знаков художника Василия Федоровича Леоненко. Работы белорусского графика широко известны. После окончания художественно-графического факультета Витебского педагогического института в 1976 году художником создано более 500 экслибрисов в технике линогравюры.

Книжные знаки есенинской тематики привлекают внимание своей глубокой лиричностью, очень точно передающих содержание многих поэтических произведений поэта. Сюжеты экслибрисов навеяны содержанием широко известных стихов С. Есенина. На книжном знаке харьковского есенинолюбца Д. И. Кириллина удачно графически найдено решение для отражения безнадежной тоски собаки, которая оплакивает в морозную зимнюю ночь гибель своих щенков. Минорный настрой сюжета книжного знака для Н. И. Яценко передан в миниатюре рисунком улетающих вдаль журавлей. Удачны знаки для Лены Леоненко, В. И. Товстухи, А. Г. Берзинь, Н. Х. Картели и других есенинолюбцев. Надеемся, что к 100-летию юбилею со дня рождения великого русского поэта экслибрисная Есениниана пополнится новыми замечательными графическими работами белорусского художника.

С. ЮЖНЫЙ.

● СОВЕТАЕМ ПРОЧИТАТЬ

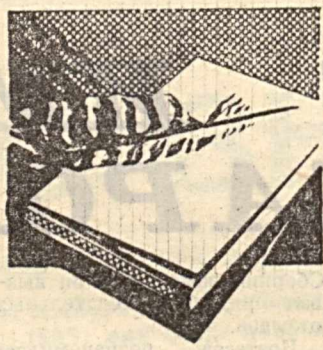
„С. А. ЕСЕНИН. МАТЕРИАЛЫ
К БИОГРАФИИ“

Издательство «Историческое наследие» при Московском объединении архивов (Мосгорархив) выпускает в свет подготовленный в Российском государственном архиве литературы и искусства сборник «С. А. Есенин. Материалы к биографии» (составители и комментаторы — С. В. Шумихин, С. И. Субботин, Н. И. Гусева).

Книга, включающая ряд до сего времени неизвестных воспоминаний современников и уникальных документов, разнообразно иллюстрирована редкими фотографиями из архивов. В состав издания входят уголовные дела на С. А. Есенина (РГАЛИ, ф. 190, оп. 1, ед. хр. 9). Копии с пяти уголовных дел Есенина сняты В. Н. Полянским, служившим в 1925 году секретарем Краснопресненского народного суда Москвы, и переданы в 1937 году в Государственный литературный музей. Полянский отмечал: «Что касается способа снятия копий, то должен сказать, что все производство записано с достаточной тщательностью, с полным сохранением стиля протоколов, а иногда даже и грамматики (например, в двух протоколах милиции Есенин был назван то Ясениным, то Эсениным, в одном из протоколов на вопрос о том, чем поэт занимался с 1914 года, записано «поэтом» и т. д.)». С. Есенин привлекался, в частности, по статье 88 (публичное оскорбление представителя власти), статье 176 (хулиганство), статье 219 (неисполнение законного распоряжения или требования милиционера, находящегося на посту). Ни одно из пяти дел так и не стало предметом судебного разбирательства, так как Есенин всякий раз в критический момент исчезал из поля зрения нарсуда.

Нужно ли обращаться к этим источникам, добавляющим вовсе не хрестоматийные штрихи к портрету Сергея Есенина? Нет сомнения в том, что в биографиях подлинных поэтов по мере возможности не должно оставаться белых пятен. В сущности, публикуемые документы — еще одно свидетельство трагедии Есенина послереволюционных лет.

Е. БЕНЬ.

Орловский журналист В. А. Туинов хорошо известен читателям немеркнувшего есенинского таланта. Он автор цикла песен о поэте, которые не раз звучали по радио России, включались в репертуар Рязанского народного хора. Свои раздумья о любимом поэте Вячеслав Афанасьевич выразил в цикле поэтических миниатюр, часть из которых предлагаем читателям.

В его стихах России свет,
И песнь любви поет
природа —
Живет и будет жить поэт
В глубокой памяти
народа.

Поэтические миниатюры
О поэте

«В саду горит костёр
рябины красной...»
Есенин! Бард! Строка
твоя прекрасна!

Он остался молодым
навек:
К нам текут стихи его,
как реки,
Влагою живительной
полны,
Глубоки, красивы и
вольны!

Мне по ночам порою
снится
Стража березового ситца.
Она, воспетая поэтом,
Горит в душе желанным
светом.

Любил он женщин
очень-очень,
Все осуждали, между
прочим,
А я в восторге,
в умилении:
Любовь — природное
явление.

Взойду я на Памир
И крикну на весь мир
(Глаз понесет зефир):
— Есенин — мой
кумир!

Найдешь, всё у Есенина
Для сердца и души:
Стихи, как сны весенние,
Уж больно хороши!

Он не осенний, он
весенний
Поэт Земли Сергей
Есенин.

В поэзии Сергей Есенин
бог,
Бог очень русский,
с головы до ног.

Есенин из памяти
народной
Не вышибить и бомбой
водородной.

В. ТУИНОВ.

● НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

НА БОСФОРЕ

Вопреки своему известному стихотворению «Никогда я не был на Босфоре...», великий русский лирик побывал здесь благодаря выходу своей книги. До сих пор читатели Турции не знали широко творчества С. А. Есенина — издавались лишь отдельные его произведения. Причина заключалась прежде всего в трудностях перевода. Мне, например, известно, что одна переводчица, как ни старалась, не смогла перевести на турецкий язык знаменитое стихотворение «Отговорила роща золотая...»

Однако, несмотря на всю свою неповторимость, чисто русскую самобытность, по-

эзия С. Есенина звучит в переводе на разные языки во многих уголках земного шара. Пришла она и на Босфор.

По нашим масштабам есенинский сборник вышел небольшим тиражом — 5 тысяч экземпляров. Но для Турции это общепринятый тираж: если книга расхочется, ее немедленно переиздадут снова и снова. Есть еще одна особенность, которую хотелось бы отметить: в Турции произведения наших соотечественников зачастую выходят в переводе с... перевода, то есть первоисточником для турецкого литератора является не русский оригинал, а его перевод на

какой-нибудь западный язык. Естественно, от такого «двойного» перевода произведение многое терлет.

В данном случае стихотворения Сергея Есенина были переведены непосредственно с русского оригинала. Турецкому поэту Азеву Ярану, закончившему отделение русского языка Анкарского университета, удалось сохранить есенинскую интонацию, образность его стиха. Азев обращался неоднократно к специалистам-русистам с просьбой помочь ему в переводе тех или иных есенинских строк.

Сборник стихов С. Есенина вводит турецкого читателя в доселе неизвестный ему мир замечательного русского поэта, который все свое дарование посвятил Родине и народу.

А. ЛЕЖИКОВ.

● ИМЕНИ ПОЭТА

ЕСТЬ ШКОЛА В ТАШКЕНТЕ

С именем С. А. Есенина в Ташкенте связано много памятных мест, позволяющих увлекательно проводить историко-литературную экскурсию «По есенинским местам в Ташкенте». Именем поэта названа одна из улиц столицы Узбекистана. Свыше десяти лет принимает посетителей Музей Сергея Есенина. Более полувека прожила в Ташкенте дочь поэта Татьяна Сергеевна. Здесь родились и живут внуки, правнуки, праправнуки Есенина.

И вот ещё одно имя русского поэта на топонимической

карте Ташкента. Решением городского хокимията новой средней школе № 280, расположенной в жилом массиве Гулистан, присвоено имя Сергея Есенина. В школе много любителей поэзии, часто проводятся литературные встречи, вечера. Пишут стихи учителя и ученики. По инициативе преподавателей и учащихся, которых воодушевляет поддержка директора школы Стадник Неонилы Семеновны, намечается создать школьный литературный музей, где значительное место будет отведено

экспозиции о творческой биографии Сергея Есенина. Устанавливаются творческие контакты коллектива школы с сотрудниками Музея Сергея Есенина. Перед учениками выступила с лекцией о пребывании Есенина в Ташкенте научный сотрудник музея А. В. Маркевич. Несомненно, что учащиеся школы будут частыми посетителями музея, который вскоре после капитального ремонта и обновления экспозиции гостеприимно распахнет двери перед всеми есенинолюбцами, любителями поэзии.

Ю. ЛОСЕВ.

● ОБЪЯВЛЕНИЕ
ПРИГЛАШАЕМ К
СОТРУДНИЧЕСТВУ

Спецвыпуск «Мир Есенина» осуществляется на общественных началах. Издание финансируется спонсорами и добровольцами-есенинолюбцами. Тех, кто пожелает с нами сотрудничать, просим присылать материалы для публикации по адресу: 700000, Узбекистан, г. Ташкент, ул. Л. Толстого, дом 20. Музей Сергея Есенина, спец-

выпуск «Мир Есенина». По этому же адресу могут обратиться есенинолюбцы, желающие приобрести предыдущие семь выпусков «Мира Есенина» и другие издания Музея С. Есенина в Ташкенте.

Спецвыпуск по материалам периодики и архива Музея С. Есенина в Ташкенте подготовил С. ЗИНН.

И. о. редактора
И. К. АБДУКАРИМОВ.